

Александр Ковтун

ОНЕМЕВШИЙ КОЛОКОЛ

Калининград
2013

ББК 84-44 (2Рос-Рус)
УДК 82-344
К 56

Александр Ковтун
К56 Онемевший колокол: Стихи/Ковтун А. – Калининградский ПЕН-центр, 2013 – 126 с. – 200 экз.

© Александр Ковтун, 2013
© Алексей Попов, оформление, 2013

Хорошо быть трамваем

Так, с некоторой иронией, в одном из своих стихотворений заявляет Александр Ковтун. И вправду, это так просто – ноги у тебя внизу, крепко упёрты в землю, энергию для жизни берёшь сверху, дорога проложена так, что с неё не свернёшь, начало и конец маршрута чётко обозначены. Живи себе без особых забот, наматывай круги. И всем хорошо. И тебе – тоже.

А вот у лирического героя получается не всё так просто. Он пытается понять эту жизнь, осмыслить её, увидеть своё место в ней, найти концы вечно рвущихся связей. Что-то у него получается, что-то нет, сам он этого знать не может, да, наверно, и не нужно. Герой находится в поиске, и значит, не может быть строго намеченного направления, поэтому у него иногда «земля переворачивается вверх ногами». Ощущение полёта постоянно присутствует в размышлениях героя: «Но что-то тянет меня в небо...»; «Я часто задеваю облака...»; «И словно птица, над землёй летел...», но и земное притяжение властно над ним. Простые земные радости не чужды ему, и всё же он продолжает чувствовать себя «листочком, гонимым ветром жизни».

Поэзия Александра Ковтуна не трагична, не драматична, скорее, она непосредственна и светла, а лирический герой прост, естестве-

нен и узнаваем. Стихи располагают к себе, и для читателя это не погружение в бездну, не сверхскоростной полёт, а как будто в сырую, промозглую погоду дожидаться трамвая и, войдя в него, почувствовать себя защищённым от холода, дождя и ветра. А за окном замелькает жизнь, такая знакомая и такая загадочная.

Член Союза российских писателей
Сергей ПОГОНЯЕВ

I
СЛЕДЫ

Из детства

Дорогу помню среди поля,
Рожь золотую с двух сторон,
Пыль, поднятую ветром лёгким,
И храм вдали с отрубленным крестом.

А позади чернеющие избы,
Между домов колодцы-журавли,
Невидимого жаворонка слышу
И чудным запахом дышу земли.

В деревне

На валенках моих калоши,
Скрипя, по снегу, вдоль деревни я иду,
Завязан шарф поверх пальто поношенного,
Лишь нос и щёки на виду.

Зима прижала снегом крыши,
Пускает печка дым в трубу,
Мне бабушка достала где-то лыжи,
Я с ними на гору иду.

Иду тропинкой кем-то хоженной,
Вокруг меня искрится снег.
Мне слышен скрип саней натруженных,
И деревенских ребятишек смех.

Разговор с люстрой

Как вознеслась и смотришь свысока,
Как будто ты – опора потолка.
С претензией на вкус, но сделана безвкусно.
Смотрю я на тебя, и делается грустно.
Ты думала, с тебя сметая паутину,
Я стану раб твой, но представь картину:
Когда б, за неимением жены,
Я перестал бы протирать полы.
Была бы эта комната похожа
На заspanную, со щетиной, рожу.
Кругом висели бы тенета –
Запущенности верная примета.

Твою стеклянную личину
Насквозь я вижу. Мне лучину
Еще не приходилось зажигать,
Чтоб осветить мой стол, мою кровать,
Но лампы керосиновой фитиль
Я зажигал, и он чадил,
И становилось закопченное стекло
Еще темнее оттого.

Но говорю я не об этом.
Мне запах лампы, словно запах света,
В тиши ночной уединенной дачи,
Как будто бы сулил удачу.
Стекла простого женская фигура
Была милей любого абажура,
И легкое движение теней,
Как в детстве было ближе и родней.

Сейчас же вспоминалась мне деревня,
Дворы и чёрные деревья,
И, в воздухе морозном, скрип саней,
И дом, и печь, которой не было теплой,

Крик петухов: и первых, и вторых,
И запах меда в сотах восковых,
И на столе брусничное варенье,
И самовара тихое шипение.

Был воздух деревом и мхом настоян,
Я это помню и другое:
Лампада освещала лики.
От нимбов золотые блики
Мешались с бликами другими,
И я был зачарован ими.
Прабабушка, как будто виноватая,
Крестилась. Пальцы узловатые
Пододвигали мне варенье.
Её любил я. Угощения
Всегда я первым получал,
Но от других себя не отличал.

Сейчас смотрю на горделивые плафоны
И вспоминаю полустанки и платформы,
Огни, мелькавшие в окне,
И чай в стакане на столе.
Под стук колёс мешались мысли,
И чьи-то ноги над проходом висли,
И ложка чайная стучала,
Я уезжал в свое начало.

Следы

Я гуляю вдоль моря границы
И читаю следы на песке,
Их писали нездешние птицы
На каком-то своём языке.

Они пели нездешние песни,
На какой-то нездешний мотив.
Уносил их в края неизвестные,
Налетающий ветра порыв.

Это ты их прислала за мною,
Значит хочешь мне что-то сказать.
Своей радости я не скрою.
Жаль, что слов не могу разобрать.

Прогулка по небу

Ухвачусь за облако низкое,
Подтянусь – у меня получится,
Усядусь на мягкое, рыхлое,
На самом краешке тучности.
Буду лететь над землёю,
Над вашими головами,
Как мальчик, довольный собою,
Я стану болтать ногами.

И может меня увидит кто
И пальцем покажет в небо,
И станет ему удивительно,
Ведь он там ни разу не был.
А я, как будто из снега,
Слеплю комочек из облака,
Покатится он по небу
К твоим одиноким окнам

И будет в них биться, стучаться,
Как птица, и ждать ответа,
И каплями тихо скатится,
Поняв, что тебя там нету.
А я буду странствовать дальше,
Словно пушинка летучая,
Мне сверху не видно фальши,
Наверное и лучше так.

А облако вдруг зацепится
За угол многоэтажки,
Зацепится и рассердится,
Ведь груз для него я тяжкий.
Я спрыгну на крышу дома,
Шутя толкну в бок его мягкий,
Оно мне уже знакомо,
А я дружу не со всякими.

По этой улице...

Брату

Брожу по старому Зеленоградску:
По милым улочкам и малым площадям;
Хочу ли с прежней жизнью повстречаться,
Ищу ль того, кого не знаю сам.

Здесь я родился, в этом доме рос,
Вот с этой лестницы упав, разбил свой нос.
Здесь были лыжи, санки и коньки,
Здесь в школу шли друзья-ученики.

По этой улице, ребёнком,
Я гордо шёл, ведь я был октябрёнком.
Здесь не спала ночами мать,
А мы учились жить и выживать.

Здесь годы лучшие, счастливые прошли,
Здесь мы любовь искали... и нашли.
И, сердце сжав и затаив дыхание,
Спешили мы на первое свидание.

Отсюда в армию нас проводила мать,
Сюда вернулись мы, чтобы её обнять.
Здесь каждый камень, каждый дерева излом,
Напоминает о далёком, о родном...

Вот отчий дом, иду тропинкой тонкой,
Здесь мама ждёт меня,
я чувствую себя ребёнком.

Четырнадцатилетней

Приятно видеть тебя с книжкой,
И Интернет тобой любим,
И, верно, есть какой-нибудь мальчишка,
И он, конечно же, неотразим.

Но помнишь, как на палочке-лошадке,
Смеясь скакала по двору,
Как вырезала бабочек в тетрадку,
Как не любила кашу поутру.

Ты фантики, картинки собирала,
Коллекцию нарядов разложив,
Ты кукол наряжала в платья,
Про всё на свете позабыв.

Я видел, как ты в школу шла,
С букетом ярким и красивым,
За парту села в первый раз –
Ты первоклассница и ты неотразима.

Что на душе твоей сейчас творится,
Не знают ни отец, ни мать.
Ты маленькой была, теперь – девица,
Всего ты им не можешь рассказать.

В твоём кармане паспорт есть,
По магазинам ходишь каждую неделю,
Мир новый и большой – он весь
Перед тобою открывает двери.

В любое время года

Беру цветной клубок воспоминаний,
По лабиринту отправляюсь в путь.
С тропы надежд и разочарований
И захочу, да не смогу свернуть.

Встречая старые, забытые видения,
Забьётся сердце, разрывая грудь,
И память, что лежала без движения,
Со дна сознания поднимет муть.

Ту муть, что мне всего дороже,
Что росчерком пера не зачеркнуть.
Там было всё значительней и строже.
Туда я в мыслях отправляюсь в путь.

И замелькают у меня перед глазами,
Картинками давно ушедших дней:
Прабабушка в углу под образами,
И печь огромная, и кот на ней.

Там дранкой крыты покосившиеся избы,
И запах сена смешан с запахом коней,
И окающий говорок российский –
Туда уходит часть моих корней.

Ещё я милую припомню Украину,
Где ночи всех ночей темней,
И хату деда, мазаную глиной,
И караваи хлеба на столе,

И пруд, где головастика ловили,
И муравейники огромные в лесу,
Поля меж зарослями ивы,
Я с дедом здесь коров пасу.

Я весь из этого народа,
Во мне весь этот мир большой.
И я люблю любое время года –
Я русский с украинскою душой.

Зимнее

Когда на улице мороз,
Как хорошо, под тёплым одеялом,
Решать какой-нибудь вопрос,
Забыв большое, думать лишь о малом.

А за окном, какой-то неизвестный,
Просыпал ночью белое зерно,
И проросли те зёрна повсеместно,
Сплетаясь в белое сплошное полотно.

Пока не затоптали всходы,
Спешу я урожай собрать.
И зимнему властителю в угоду
Расчистить место, что б он мог гулять.

Работаю лопатой быстро,
Растут стога-сугробы на глазах,
А ведь недавно здесь лежали листья,
Гуляла осень вся в слезах.

Мы с ней печаль её делили,
С ней лили слёзы на стекло,
Как скоро мы её забыли,
И всё с дождями утекло.

Пусть грусть исчезнет безвозвратно,
О ней не стоит горевать.
Но, как же всё-таки приятно,
Пушистые стога метать.

Как часто мы...

Как часто мы торопим дни,
Не видя в том греха большого,
Но для кого-то дни уж сочтены.
Болезни приговор суровый

Судьбы печатью закреплён,
И изготовлен медальон,
Где есть, быть может, два-три слова
О человеке нам знакомом:

Две даты жизни, и его
Земное имя. Больше ничего.
А он ещё чего-то ждёт,
Ещё надеждою живёт

И улыбается при встрече,
Хотя, перстом Судьбы отмечен,
Уединяясь каждый вечер,
Всё чаще думает о вечном.

А мы опять торопим дни
И не хотим понять простого:
Мы все – кирпичики стены
И каждому нужна основа.

Поди-разбери

Дождь, дождь, дождь
Холодный и липкий,
И ты никого не ждёшь –
Ты считаешь свои ошибки.

О завтрашнем дне не думаешь,
Не берёшь за месяц билеты,
Как сложится, так и складываешь,
Теряешь и ищешь ответы.

Но послушай: здесь что-то не так,
И это все неправильно.
Ведь жизнь твоя не пустяк,
А исключенье из правила.

Ты откроешь блокнот свой завтра,
Перечитаешь забытое, старое,
За новое возьмёшься с азартом,
И появится что-нибудь странное.

А дождь прилипает к стеклу
И чертит продольные линии.
Пойди-разбери, что к чему,
Здесь буквы какого-то имени.

Миражи

Шаг в сторону делаю я
И тянусь за чужими стихами,
И уже подо мною земля
Разворачивается вверх ногами.

И опять меня где-то кружит,
И с ума меня кто-то сводит.
Снова вижу я миражи,
Слышу чью-то мелодию.

II

ОНЕМЕВШИЙ
КОЛОКОЛ

Я колдую

То смеюсь, то грущу, то пою невпопад,
То в задумчивости немею,
Я иду в никуда, я бреду наугад,
Я собою почти не владею.

То заброшу на полку пустую тетрадь,
То опять над стихами колдую
И пишу впопыхах, и боюсь растерять
То, что завтра уже не найду я.

Злюсь, когда получается что-то не так,
Горячусь, но рассудком владею.
Может быть, посмеется практичный чудака,
Скажет мне, что я жить не умею.

Мне бы мысли мои
бросить в пыльный архив,
Пусть желтеют страницы забвением,
Но поднялись стихи, значит – я еще жив,
И ещё поколдую, хоть час, хоть мгновение.

Обнажение

Смотрю на жизнь сквозь щели век
И вижу то,

что стало так привычно:

В тумане сером тает снег,
И ели обнажаются публично.

Хотя зима ещё вся впереди,
И рано скидывать одежды,
Но ели верят в окончание зимы:
Снег тает, и они таят надежды.

А я смотрю на прожитый мной век
И думаю о вечном и о личном.
Мне нелегко – ведь я же человек,
Но обнажаю душу я публично.

Глоток рома

Стучит по луже первая капель.
Так робко к нам весна стучится.
И может завтра или вот теперь
Со мною что-нибудь случится.

Я снова сделаюсь болтлив
И в ночь гулять уйду из дома,
И испытаю сил прилив,
Как будто выпил рюмку рома.

И холода я не боюсь –
Я заберусь зиме на плечи,
Стряхну с себя былую грусть,
Зимою я не искалечен.

Мне б счастья выпить хоть глоток,
Чтоб растеклось оно по жилам,
Увы, я рома не знаток,
Меня название пленило.

Время

Я на бок положу песочные часы,
И остановится в них время.
Непостижимой пустоты
На плечи мне сегодня давит бремя.

Как будто всё остановилось,
И я стою возле черты,
И, кажется, мне жизнь приснилась,
И в этом сне явилась ты.

Но жизнь часов в моих руках:
Поставлю их, и время потечёт,
И сердце, словно маятник в часах,
Качнувшись, свой начнёт отсчёт.

Забудьте обо мне!

Н.

Забудьте обо мне, как о кошмаре
Забыть спешит здоровый ум,
Бегите от бредовых дум –
Любовь страшна, когда она в угаре.

Поверьте, время быстротечно,
И лучше лекаря не будет никогда.
Меня ж оставьте навсегда,
Я обручён с другой навечно.

Хорошо быть трамваем

Мне в голову лезут разные мысли:
О жизни, о смерти, и снова о жизни.
С собою я спорю, себя забывая,
Иду не спеша и люблюсь трамваем,

Не зная маршрут, его выведут к цели
Колёса и рельсы, он им только верит.
Ему доверяют его пассажиры,
И рельсы поют им :

«Мы жи-и-вы!

Мы жи-и-вы»

В нём люди обычные: простые и милые,
Смеются весёлые, дремлют унылые;
И кто-то здесь счастлив, а кто-то не очень;
Вот этот беспечен, а тот – заморочен.

Я думаю: «Как хорошо быть трамваем,
Катится по рельсам, дороги не зная,
Впускать пассажиров и речи их слушать,
Быть чистым внутри разъезжая по лужам».

Трамваю неведомы сожаления,
Не знает он страха, не знает сомнения,
А я сомневаюсь, решаюсь и каюсь,
И даже не верю когда улыбаюсь.

Я улечу

Нет, не устал ходить я по земле,
Но что-то тянет меня в небо.
Хочу я, с вольным ветром наравне,
Лететь в края, где я ни разу не был.

И мне не важно: день там или ночь,
Прозрачно небо или в тучах.
Не знаю: хуже там иль лучше.
Я поднимусь под неба свод.

И пусть секут меня холодные дожди,
Пусть солнце жжёт меня нещадно.
Я улечу, и ты меня не жди.
Не знаю сам, вернусь ли я обратно.

Спорщики

Их двое, что живут во мне,
Но есть над ними старший – третий.
Их спор я слышу в тишине,
Они смешны, порой, как дети.

Один с утра толкает в бок,
Уже зовет его дорога,
Другой, притворщик, занемог –
Ему понежиться охота.

И спор ведут, и треплют нервы,
И каждый убедить старается.
Конечно же, мне ближе первый,
Но у второго тоже получается.

Один стихи читает мне,
Другой навязывает прозу,
Один мечтает при луне,
Разглядывая срезанную розу,

Другой ведёт меня к окну,
Он просит, чтоб я взял гитару,
И вот я дергаю струну,
Пою мотив забытый, старый.

И мне покоя не дают
И оттого лишь сами мучаются,
Их спор пустой, напрасный труд,
Как я решу, так и получится.

Пёс

Я не карманная собачка,
Я уличный бродячий пёс.
Мне не нужны от вас подачки,
Я этот возраст перерос.

И приручать меня не надо,
Характер мой не изменить,
Но помню, было мне отраднo
Под звездами у озера бродить.

В глаза взгляну, когда поглядят,
Увижу в них живую нить
И привяжусь – на цепь не надо –
Свободному на привязи не жить.

Не говорите мне: «дай лапу»,
Когда-то я служил всерьёз,
Когда-то я был очень ласков,
Тепло ладоней знал мой нос.

От злого взгляда не укроюсь,
И в волчьей стае мне не жить,
Но как же хочется порою,
На звёзды глядя, волком выть.

Тайна сна

Какая тайна в снах заключена – не знаю,
Но это волшебство, поверь.
Я побывал в далёких странах,
Хотя всю ночь была закрытой дверь.

У нас здесь холодно, а я купался в море
И говорил на непонятном языке,
Всех понимал, и всеми был я понят,
В пустыне и на горной высоте.

Я, не боясь разбиться, прыгал в пропасть
И, словно птица, над землёй летел.
То, будто бы, писал я жизни повесть,
То, вдруг, любви безудержно хотел.

Мы утром пробужденье не торопим
И сожалеем, что приходит к нам оно.
И вот, оборвана ночная повесть,
И недосмотрено любви кино.

Ночной город

Я влезу в чёрные штаны
и куртку натяну, и прочее...
Свидетели мне не нужны:
иду я на свиданье с ночью.
Люблю по улицам вечерним,
укравав кусочек сна бродить.
Я вижу то,
что днём не видно и то,
чего не может быть.
Вот окна тёмные закрытого кафе. В них,
отражаясь хаотично,
шалых машин проносятся огни,
кто там сидит, мне безразлично.
Смотрю на уличные фонари,
обмениваюсь взглядами с прохожими,
похожими, как будто, на меня
и, все же, совершенно непохожими.
Мне манекены смотрят вслед,
рукой пошевелить не в силах.
И мне их отчего-то жаль –
их жизнь очерчена витриной.
А девушка, с рекламного щита,
мне улыбается привычно.
Пройду я мимо,
не спеша,
ведь и она мне симпатична.
Как хорошо тому, кто не один
в огромном этом, непонятном мире.
Я поброжу немного и пойду,
в уютное тепло квартиры.

Полёт

Когда я в мыслях к небесам взлетаю,
Я часто задеваю облака.
По горизонта выпуклому краю
Легко скользит моя рука.

Мне солнце освещает путь,
Приятно ощущение полёта.
Лечу туда, где я смогу уснуть
Спокойным сном уставшего пилота.

Бессонница

Пришла ко мне в постель Бессонница,
Спать не даёт, ведёт себя бессовестно,
Пытается со мной заговорить,
Но я теряю разговора нить,

Гоню её, нахальную, бесстыжую,
Она в ответ ворчит обиженно.
Встаю, иду, – она за мной,
Ногами шаркает и шепчет за спиной:

– Друг мой, я не прошу ни есть, ни пить,

Хочу я лишь с тобой поговорить.

– Скажи: когда уйдёшь ты от меня?

– Я от тебя уйду с приходом дня.

То ли стон, то ли крик

Л.

Оттолкнувшись от века XX-го,
С XXI-м живу и дышу.
Насмотревшись в жизни всякого,
С новой Музой в обнимку хожу.

И она со мной, грешным, возится,
Не даёт свихнуться с пути.
То, ночами играет в бессонницу,
То, мурлычет какой-то мотив.

Вместе с ней заберусь я на звонницу,
Там набатный подвешу стих
И ударю, и будет мне по сердцу,
То ли звон, то ли стон, то ли крик.

Тяжкий воз

И будет прав, кто скажет обо мне,
Что жизни мало правил он прибавил,
Но я не правила писал себе,
А исключения из правил.

Ошибок тяжкий воз
Влачу я за собой по свету.
Что делать с этим? Вот вопрос.
И на него не знаю я ответа.

Бред

Я иногда, бывает, брежу
Мечтами о безудержной любви,
Но этим я себя лишь тешу
Или казню, как хочешь назови.

Гоним причудой грешной мысли
И развращённостью ума,
Пишу любовь высокой кистью
На стеклах твоего окна.

Одиночество

Я ещё не испытал одиночество,
Я пытаюсь с ним как-то жить.
На стене календарь, как пророчество,
Ничего в нём не изменить.

Мне праздники сегодня не праздники,
Я не жду выходного дня,
Знакомые, такие разные,
Тихо ругают меня

За то, что я отделился,
Что стал одиночеством жить.
Мне даже мой друг приснился,
Просил у меня закурить.

Но как же? Ведь он закопан?
Могила ему дом родной.
Он в двадцать копал окопы,
Держа автомат за спиной.

Но пули ему не досталось,
Он выжил на той войне,
Его свалила усталость
В комнатной злой тишине.

А я не пришёл на прощание,
Друга на время забыл,
Потом я встретил случайно
Его среди прочих могил.

Я ещё не испытал одиночества,
Я пытаюсь с ним как-то жить.
На стене календарь, как пророчество,
Ничего в нём не изменить.

Блокнот

Уставши от унынья изнывать,
Хватаюсь за блокнот спасительный
И выпускаю мысль свою гулять
Туда, где не бывает зрителей.

Не ограничившись коробкой мозговой,
Выходит мысль дорогой умозрительной,
И я за ней, или она за мной...
Спешим в блокнот спасительный.

Не один

Думал я, что остался один,
Как последняя кисть рябины,
Но стоит у стены господин –
Мой диван, товарищ старинный;

Стол упёрся ногами в пол,
Но его основательность шаткая;
Шкаф глядит на меня в упор
И на вещи косится украдкой.

Я захлопну его, замкну,
Брошу вещи на кресло истёртое
И, как кот, усядусь к окну,
Уткнусь в рябое, дождями исстёганное.

Буду что-то в себе искать,
Стану глупые мысли вычёркивать.
Мне б диван поменять на кровать,
В ней зарыться, послав всё к чёрту.

Лунно-жёлтый свет фонаря
Мне вчерашнюю дарит картину:
Вот асфальт, словно в зиму земля,
Куст сирени голый, остывший.

Никого. Ни души. Я один
В этом мире мне непонятном.
Вижу дом, там другие миры
В запотевших оконных пятнах.

Не делая акцент...

(Посвящение Литве)

Свободной мысли край. Тебя таким я знаю.
Ты населен, душой красивыми людьми.
Они меня порою выручали,
Не из-за денег, а из человеческой любви.

С детьми твоими я давно знаком,
Мы вместе, помнится, когда-то щи хлебали,
И сало, прокопчённое дымком,
Смеясь, мы царской пищей называли.

Про жизнь мы говорили безыскусно,
Не делая акцент на языке.
И водку разливали не по-русски,
А по-литовски, каждый сам себе.

И врут, что времена сейчас другие.
Мы не умрём в духовной нищете.
Покуда мы читаем книги,
На русском и литовском языке.

Онемевший колокол

Странной картиной закончилась
Ещё одной ночи бессонница:
Я видел себя мрачным колоколом
В заколоченной наглухо звоннице.

Знал, что никто не придёт,
Ко мне не прикоснётся,
Услышать никто не захочет,
Как голос мой отзовется.

Светилось там небо сквозь крышу,
И краски давно поблели,
Шагов по ступеням не слышно,
Лишь ветер свистел, как лёгкие.

Вокруг стоял лес осенний,
С почти облетевшей листвою,
И воздух был пасмурно-серым,
Пропитанным тоскою.

И нелепым каким-то бредом
Закончилась эта бессонница:
Сидел я, укутавшись небом,
У распахнутой настезь звонницы.

Я был онемевшим колоколом –
Кричал и не слышал ни звука.
Может что-то случилось с голосом?
Может это отсутствие слуха?

Не верю в дурные приметы.
И разгадывая сны свои странные,
Рвусь вперёд и боюсь при этом –
Я боюсь, что проснусь тщеславным.

Живые вянут розы

Слова признанья ничего не значат,
И не успеет к ним привыкнуть слух,
Ты отречёшься – я теперь изгнанник
Твоих, когда-то нежных, губ.

Писал стихи и не солгал ни разу,
Теперь они лишь скомканный листок.
Дверь затворив, ты всё забыла сразу,
Ты чувствам подвела итог.

В ушах твоих, как будто вата;
Как будто шоры на глазах.
Нет, ты ни в чём не виновата.
Живые вянут розы на кустах.

Тень

Я стоял – она лежала смирно.
Я присел, к земле её прижал.
Терпеливо всё она сносила,
И когда я выпрямился, встал,

Думал: прыгну прямо ей на плечи,
Оказалось – тень меня хитрей,
Из-под камня, ловко, незамеченною
Выбралась, и камень уж под ней.

Тень свою шагами мерил я,
Но до тени головы не смог пройти.
Километры прошагал уверенно,
Битый час провёл, наверное, в пути.

Только в полдень тень моя пропала,
Где-то я её не разбудил,
Может быть, на станции отстала.
Жаль её, и я теперь один.

Ждал стоял, смотрел на время,
Всё надеялся – она меня найдёт,
Бросил взгляд под ноги неуверенно
И обрадовался: вот же она, вот!

Только будто часть её украдена,
Собачонкой малою у ног
Тень лежала. Я хотел обнять её,
Только вот поднять никак не мог.

Был на море с ней, понервничал:
Думал, что она на берегу,
Но вздумалось со мною ей соперничать.
Вытащил. Купаться не могу.

Покрывало на песок бросаю,
Падаю, она уж подо мной.
К животу прижалась, засыпает.
Я не шевелюсь, и ей покой.

К вечеру она совсем устала.
Я присел, она возле меня
Растянулась и длиннее стала,
Или я короче к концу дня.

Бабье лето

Повисло в паутинках света,
Над остывающей землёй,
Теплом последним, бабье лето,
Как тихий, милый образ твой.

Ещё летят, доступны глазу,
И исчезают журавли...
И лета жаркого проказы,
Для нас, как недосмотренные сны.

Я эти сны смотрел с тобою
И помню это колдовство.
Я бабье лето трогаю рукою
И чувствую твое тепло.

Где закончу я жизнь?
Буду выхвачен кем?
Может,
цепью к галере прикован,
попрошу я у Бога,
этой жизни взамен,
дать другую
и слово дать,
слово.

Я приду

Я приду к тебе тихо под вечер,
Когда улицы жгут фонари,
Я приду никем незамеченный,
Ты мне дверь свою отвори.

Я войду, почти невесомый,
Обожгу поцелуем своим,
Прошепчу тебе слово нескромное,
И, конечно, солгу о любви.

Я солгу тебе чистую правду,
Чтобы правду услышать твою
И себя, желаньем отравленный,
Я у ног твоих растворю.

Растворю в любовном кружении,
И увидишь ты в тёмном окне
Непонятное отражение,
Это ты растворилась во мне.

А в тумане дома привидения,
Ночь прижалась щекою к стеклу.
Мне послало тебя провидение,
А за что, я никак не пойму

Скучны мне

Скучны мне стали шумные застолья.
Для сердца моего милей
Уединенье и прогулки возле моря,
Где очертания далеких кораблей.

Там плеск волны люблю я слушать,
И наблюдать последний солнца луч,
Бродить по краю моря, как по луже,
И чайкою касаться низких туч.

Без меня

Не я в примерочной кабинке
Наряды на тебе смотрю,
И без тебя морщинок паутины
Лицом обветренным ловлю.

В каких, не знаю, улицах столичных
Теряется невидимый твой след,
Вокруг тебя так много лиц привычных,
Лишь моего в том круге нет.

Закрывая руками небо

Счастливою будешь, знаю я,
Всё у тебя получится.
Мне ж, от плода познания,
Лишь кожура на блюде.

Смешон для кого-то, быть может,
Пишу и мыслю немислимое,
И бьёт меня жизненный опыт,
Но жизнь я люблю неистово.

Одет не всегда по погоде,
Непритязателен, неизыскан.
Ищу вдохновенье в природе,
Пишу и рискую без риска.

Хвалил тебя без лживой лести,
Шутил и смеялся серьёзно,
Доходил умом своим до глупости,
Закрывал руками небо звёздное.

Предчувствие

Ни один не похож день на прожитый,
Как и я на себя, на вчерашнего.
Я дорогой иду нехоженой,
Изменяю себя, изменявшего.

Мне бы выстирать, да просушить мозги
На морозе, чтоб с запахом свежести,
Мне бы руки любимой держать в горсти,
Чтоб душа задышалась от нежности.

Ещё помню себя вчерашнего.
Оболочка осталась прежнею,
А внутри пустота томящая,
Как предчувствие неизбежного.

Листок

Просты и необычны твои мысли,
Логический читается в них ход,
А я – листок, гонимый ветром жизни,
Неведомо куда меня несёт.

Цепляюсь за чужие ветки,
Хоть знаю: к ним не прирасти,
Воздушной паутины сетки
Я рву, встречая на пути.

А на тебе я чудом задержался,
На блеск волос твоих упав,
И с ними долго целовался,
Их аромат, в себя вобрав.

Могла бы ты заколкой невидимой
Меня к своим пришпилить волосам,
Но, ветром жизни от тебя гонимый,
Лечу куда не знаю сам.

Стена

С тобой я откровенным был, –
Сказал и как-то понял сразу,
Что прежде не произносил,
Сакраментальной этой фразы.

А на земле и над землёй
Всё стало серо, как в квартире,
Где мы, за маленьким столом,
Ещё вчера чего-то пили.

А ты была чуть-чуть бледна
И, как всегда, чуть-чуть надменна,
И выросла из слов стена,
И я уперся в эту стену.

Ты восхитительна

Я возмутительно спокоен,
Ты восхитительно умна.
Сегодня я любви не стою,
А ты, я вижу, влюблена.

Хотел бы сделаться я ветром,
И улететь куда-то вдаль –
В страну отцов ветхозаветную,
Где спрячется моя печаль.

Там не упасть, а в небо взвиться,
Стрелой пронзая облака,
И звезды в небе, как девицы,
Мне будут щекотать бока.

И там я сердце успокою,
И удержу себя в руках.
Я возмутительно спокоен,
Ты восхитительна в веках.

Три дня

Ты не звонила мне три дня,
Три дня похожие на вечность,
И в новой книге бытия
За нас распишется беспечность.

Сметает ветер зиму с крыш,
Смеётся мне вчерашним смехом...
«Зачем так долго ты молчишь?» –
Как будто отвечает эхо.

Самолечение

Ты видишь: я лежу, закрыв глаза,
И, кажется, что нет во мне движения.
Я в это время изучаю по азам
Основы сложные стихосложения.

Блуждаю по написанным строкам,
Распутываю нить, ищу ошибки,
В себе все расставляю по местам,
Как вещи в домике улитки.

Беззвучные чеканю фразы.
Мой рот закрыт, но я кричу.
Ненужные слова, словно заразу,
Корчую – я стихи лечу.

Забывтый урок

И не мужчина тот,
 кто женщиной не бредил,
Кто никогда не говорил,
Что той прекрасней нет на свете,
Которую он полюбил,

Кто и стихами, и словами,
Как мог её боготворил.
За что? Не всё ль равно нам с вами,
Ведь главное, что он любил.

Любил в одеждах и нагую,
Любил с вином, и без вина,
Он выбрал сам себе такую,
И лишь она ему нужна.

И я, признаюсь, тоже грешен:
Я праведником жить не смог.
И вечный позабыв урок,
Я был отравлен лучшею из женщин.

Пекарь

Льются мысли на колесо мельницы,
Перемалывается зерно придуманного,
Из-под жёрнова слова сыплются,
Ситом мелким отделию шелуху я.

Поставлю стихи на опаре,
Пусть забродят моими дрожжами.
Выпеку строчки ноздреватые:
Чёрно-белые, угольно-ватные.

Нить

Знаешь: прошлого мне не забыть,
В лужах я вижу его отражение.
Я сам разорвал эту тонкую нить
И я не прошу снисхождения.

Не думай о том, что будет мне больно,
Я делал намного больнее.
Ты счастлива, этого и довольно,
И воздух меж нами теплее.

Мы видим всё

Устроен глаз мужской хитро.
Он видит то, что под одеждою сокрыто:
И талию, и лёгкое бедро,
И то, что лишь любовникам открыто.

Всё видим мы в дыму мечтаний.
К чему слова, не нужно лишних слов.
Мы замираем в ожидании,
Услышав стук весёлых каблучков

Мысль на тарелке

Дискретна мысль, прерывиста,
Как азбука старого Морзе.
Возьму её, одну из ста,
Выстужу на морозе,

А потом принесу скомканную
К батарее, больную, в горячке,
И она, в тепле моей комнаты,
Разомлеет, размягчится.

Стану мять её, руки вымыв,
И растягивать, и сжимать.
Со стороны, может быть, некрасиво,
Но Мысль начнёт оживать.

И пойдёт процесс сотворения...
Вы скажете: так не бывает,
Чтобы Мысль лежала на тарелке?
А я её уже читаю.

Притяжение

Мы наблюдаем солнце и луну;
Их смену, как известное всем таинство.
Мы устремляем взор свой в вышину
И видим вечности пространство.

Таков душевный наш настрой.
Все дальше нас несет воображение.
Мы б звезды трогали рукой,
Когда бы не земное притяжение.

Собиратель

Иногда пожалеть себя хочется
Так, что даже находишь причину,
И слабость наружу просится,
Растягивая дверную пружину.

И, как больному к постели прикованному,
Когда боль причиняет любое движение,
Хочется переложить себя по-другому,
Принять удобное положение.

Так хорошо. Всё видно и слышно.
Но ты сам себя, своей же рукою,
Снова впрягаешь, берёшься за дышло,
Только б никто не стоял за спиною.

Тащишь телегу словами нагруженную,
Подбираешь их, кем-то обронённые.
Одни избиты, другие надкушены,
Третьи – какие-то зелёные.

И можно, конечно бы, груз этот бросить,
В гору телегу тащить нелегко.
У слабости больше не будет вопросов,
Она и не ценит тебя высоко.

Но, словно в условном затмении,
Смотришь на себя со стороны:
Вот стеной стоят твои сомнения,
Они выше самомнения стены.

И ты слова сортируешь:
Что получше – те в отдельную корзину.
Смотришь на них и думаешь:
Мне бы в гору, – там опять в низину,

Где слова одену в новые одежды,
И сомненья разлетятся вдребезги.
Как смешны своей наивностью надежды,
Как порой им не хватает дерзости.

Поэтический дождь

Мне дождь читал свои стихи,
Он смешивал их с запахом сирени.
В них было что-то от тоски
И от безумного веселья.

Он шёл в распахнутом пальто.
Я заглянул в его тетрадь украдкой,
Там было новое и то,
Что он читал неоднократно.

Он путал строчки и слова,
Как я, бывало, от волнения,
По листьям струйками стекал,
На лужах ставил ударения.

То успокаивал, то призывал,
То разжигал мои сомнения,
Отталкивал и обнимал,
И, вдруг, терялся от смущения.

Его я слушал целый день
И впитывал своею кожей,
Он шёл за мною словно тень,
Стихами брызгая в прохожих.

Мысли с конём

Напала лень, не хочется писать
И думать ни о чём не хочется.
Сейчас бы завалиться на кровать,
В обнимку с одиночеством.

Но, лень под зад я пнул ногою,
Призвал крылатого коня.
И вот уж мысли понесли меня, –
Так жажда зверя гонит к водою.

И, забыв про одиночество,
Отбросив бренность бытия,
С собою взяв одни пророчества,
Я в поводу повёл коня.

Его в бока я не пихаю,
Не понукаю почём зря,
Ему я мысли доверяю,
Надеюсь – конь поймёт меня.

Штыком пера

Штыком лопаты, не штыком ружья,
Украшу я лицо земное.
Я посажу цветы и, втихаря,
Куст розы назову тобою.

Штыком пера построю строчки в ряд.
За жизнь стиха бороться буду снова,
И будет выше всяческих наград,
Тобой одобренное слово.

Сокровища

Насыпьте мне золота, хоть мешок,
Я и горсти не возьму себе.
Истину отыщу между строк
И уложу в голове.

Поместятся в сердце моём и в душе
Сокровища мира вечного.
Истина рядом, она в неглиже,
Ей ведь стыдиться нечего.

Пусть числит себя мудрецом хитрец,
Забрав у кого-то последнее.
Опомнится поздно наивный глупец,
Считавший богатство наследием.

Я чувства свои положу между строк,
Не стану их прятать в ларец.
Я знаю, что есть надо мною Бог,
А над подлецом – подлец.

Вдохновение

О, как капризно вдохновение.
Оно – мерцающий огонь свечи,
Когда по стенам двигаются тени,
Ища прибежища в ночи.

Так мысли, движимые чувством,
Блуждают в голове моей,
И я их направляю в русло
Ручья засохшего, вчерашних дней.

Я должен вымучить в сомненьях
Всё, что кому-то просто и легко,
И я ищу уединения,
Хотя и так забрался далеко.

Но что с тобою, Вдохновение?
Едва добившись маленьких побед,
Само себя читаешь с умилением,
На главное не дав ответ.

Железнодорожная

Мои мысли, как рельсы – стык в стык
Укладываются в ровный стих.
Разлинованные шпалами листы,
Здесь грохочут чувствами мосты.

Маневровая моя рука
Тянет вязь письма издалека.
Слышится на стыках рифмы стук,
И сливается с колесным сердца звук.

Там, на полустанке, видишь? – грусть.
Только ей не с нами. Ну и пусть.
Проскочили мы засохшие кусты –
Это нашей юности мечты.

Встречных мыслей вижу товарняк,
Чувствую, что это добрый знак.
Светит впереди зеленый свет,
Значит, остановки мысли нет.

Я жду апрель

Холодный воздух неподвижен.
Глядится небо в серое стекло,
И голые деревья, ветром стриженные,
Взирают на унылое село.

Еще недавно поле колосилось,
Была слышна здесь жаворонка трель.
Сейчас мне кажется, что все это приснилось,
Мне холодно, я буду ждать апрель.

Соломоново решение

Холодны небеса, они следят за мною,
Мечтал я видеть Ялту не такую.
Как будто всё вокруг простужено
И в облака туманные погружено.

Мне здесь не сытно и не голодно,
Но холодно душе, и сердцу холодно.
И мысли сбивчивы, и строчки смяты,
Иду в пространство ватное палаты.

Пишу страницу за страницей.
Зачем? Быть может, пригодится.
Больная рифма не рифмуется,
Колодой старою слова тасуются.

Стихи наивны, много в них сомнения,
Я бьюсь о воздух, как о камень преткновения.
Не посещают меня милые видения,
Смешно подумать: я пишу творения.

Но, мудрым был, кто, пережив похожее,
Сказал, что «всё пройдёт... и это тоже».

Две строчки

Накинув легкий капюшон,
Пожав плечами, удалилась Муза.
Теперь я сам себе смешон,
Ведь я искал её союза.

Что делать мне и как писать стихи?
Ужель пришла расплата за грехи?
Какой она вернётся ночью,
Чтоб подсказать заветные две строчки?

Всего лишь две, мне большего не нужно,
Я вновь возьму забытое оружие:
Блокнот, как щит и ручку, как копьё,
И в бой пойду, чтобы вернуть своё.

С лицом открытым, без забрала,
Что жизнь моя, уж видел я немало.
И стрелы критики я встречу как цветы,
Чтоб только с Музой быть на «ты».

Строитель

Беру железных строк куски,
Вставляю препинания заклёпки,
Всё зажимаю рифмою в тиски,
И чувствую, что это труд нелёгкий.

Я выбираю лучший инструмент,
Иду на разные уловки,
Струны гитарной аргумент
Прикручиваю к заголовку.

Душевных чувств незримые мосты,
Я перебрасываю с берега на берег,
Когда-нибудь по ним пройдёшься ты,
Но это вряд ли что изменит.

Весна

Как будто за ночь выросла трава,
Беззвучно лопаются почки на деревьях,
И осени истлевшая листва
Уж видит жизни рождение.

Повсюду слышен щебет, свист,
Кричит сорока без умолку
И, прыгая по веткам вверх и вниз,
Трещит, да только всё без толку.

И первый шмель, проснувшийся едва,
Уже гудит и на цветок садится,
У клёна захмелела голова,
И одуванчик запахом разлился.

Дождевая капля

Горит на солнце дождевая капля,
Блестит брильянтом у листка в горсти.
Она небес покинула объятья,
Чтоб красоту земную обрести.

Пусть жизнь её не будет долгой,
Она исчезнет, испарится без следа,
Но я горжусь своей находкой –
Богатства большего не видел никогда.

Каштан

Меня с утра каштан уважил:
В букет собрал душистые цветки,
К окну поднес и веткой машет,
Избавить, видно, хочет от тоски.

Он шевелит листьями сонными,
Как будто пальцами зелеными,
И дышит в приоткрытое окно.
И чудится: со мною заодно.

Он словно говорит: «Не бойся,
Дотронься до цветков моих,
Открой мне душу, весь откройся,
Я рядом. Только не тяни».

Три сосны

Три сосны стояли в чистом поле.
Три сосны, три родные сестры.
Волей ветра ли, людской ли волей,
Семена сюда занесены.

Шёл ли мимо путник одинокий,
Мужичок в телеге проезжал,
Всякий, видя их ещё далёко,
Смутное волненье ощущал.

Так и я, путём давно знакомым,
Ровным шагом к этим соснам шёл,
Сам себе казался невесомым,
Словно я не их, себя нашёл.

Тёплые стволы руками трогал,
Прикасался к ним своей щекой,
Три сестры корнями гулко охали
Меж моей душою и рекой.

Гроза

Как душно. Солнце ещё светит,
А с запада уже заволокло.
Вдруг налетел, сорвавшись с крыши, ветер,
Устраивая туче сватовство.

Пронесся, клубы пыли поднимая,
Сорвал с дерёв цветущих лепестки,
За угол забежал и выжидает,
Как ученик, шаливший, у доски.

Раздался гром. Ещё. Всё ближе, ближе.
Всё потемнело, и сплошной стеной
Струи воды, на улицы, на крыши,
Вдруг потекли шипящею рекой.

Мы молоды, и грома грохотанье,
В нас первобытный пробуждают страх.
Мы молча ждем, что дальше будет с нами,
И лишь у старости молитва на устах.

Соловей

Луна, красным огненным шаром,
Из леса на небо ползла.
Как будто беду предвещала
Кровавым обличем она.

Немою владычицей ночи
Ползущий преследуя мрак
Рвала на лоскутья, на клочья,
Развешивала на ветвях.

Все стихло пред ней, только где-то,
Мне кажется в ближних кустах,
Пел песнь про любовь и про лето
Безумец, не знающий страха.

Он верно луной любовался,
А может подругой своей.
Нет-нет, он не пел – заливался.
Я знаю – то был соловей.

Дождь в июле

Сорвавшись с ветки, закружился лист.
Балтийской свежестью пахнуло,
И флаг, что на верёвке тряпкой вис,
Затрепетал, разбужен дальним гулом.

Катятся низко грозовые облака,
И вот – всё небо – туча чёрная,
И сверху хлынула река,
Разрывом неба ярко освещённая.

Все лужи в мыльных пузырях,
По ним бегут с невиданною прытью
И растворяются в распахнутых дверях,
Все те, кто видел в них укрытие.

Мне хорошо, я радуюсь дождю,
Жара июля больше не терзает.
Пусть дождь умоет землю всю,
И пусть раскаты грома сотрясают.

Луна

День засыпает, ночь приходит,
И в ореоле сказочном плывя,
Луна, как солнце, на небо восходит,
Ей имя светлое дано не зря.

Она плывёт над лесом тёмным,
Течёт рекою среди полей.
Журавль в болоте, с видом томным,
Лягушек, как в тарелке, ловит в ней.

Блестят ночной росой травы,
Туман стоит в низинах молоком,
Полны задумчивости, замерли дубравы,
И, словно призрак, одинокий дом.

Горит неясный свет в окошке,
Быть может, мать баюкает дитя,
Иль доживает век сторожко
Седая старость, счет годам ведя.

Луна плывёт всё озаря
Волшебным светом неземным.
Смиренно все. Лишь филин прерывает
Безмолвье ночи уханьем своим.

Тихий дом

Я в тихий дом на тихом переулке
Тихонечко открою дверь:
Стоят стихи на книжной полке...
Но до стихов ли мне теперь.

На кухне с мамой посижу –
Её желание исполню.
О многом я ей расскажу...
Но что-то, всё-таки, не вспомню.

Мы поедем горячих щей
И попрошу в душе я Бога,
Чтобы как можно больше дней
Она меня встречала у порога.

Художник-невидимка

Дождь моросит, угрюмо небо,
Чуть полинявшая трава в полях.
Прикрыв своё оплавленное веко,
Спит солнце в серых облаках.

Притихли рощи в ожидании чуда,
И осень замерла в кустах...
Невидимый взял краски ниоткуда,
Раскрасил яблоки в садах.

Штрих за штрихом, незримой кистью,
Малюет с вдохновеньем озорным,
Он красит клён пурпурно-золотистым.
Берёзу – чисто золотым.

Осенний бал не за горами,
Должно быть всё готово к октябрю.
Добавив в краску радугу с дождями
Он пишет декорацию свою.

Я здесь отдыхаю

Как редко к тебе захожу я,
но знаю,
что ты меня ждёшь.
Прилягу на старом диване,
ты, мама, меня не тревожь.
Подушку мне в изголовье,
кладёшь ты своею рукой...
Тебе расскажу всё потом я,
меня одеялом накрой.
Тепло и уютно:
картинки на стенах,
поёт колыбельную кот,
посуда в серванте,
часы на комоде
чуть-чуть убегают вперёд.
Я здесь отдыхаю
и знаю, что мама
меня оградит от забот.

Шар

Джинсы потертые, куртка, шарф,
Перчатки, лайковые изнутри,
А под ногами огромный шар –
Плоский, как на него ни смотри.

И даже из иллюминаторного круга
Не видел я, чтобы земля была круглой.
И мне, почему-то, не верится,
Что вся эта махина вертится:

И эти дома, и собака,
Лающая на всякого,
И океаны огромные,
С их кораблями и штормами,

И разного вида рыбы,
И ледяные глыбы,
И горы, снегом слепящие,
И люди, куда-то спешащие,

И эта румяная девица,
И это красивое деревце,
И странного вида прохожий,
И день этот ясный, погожий.

Решил я у друга спросить одного,
Он начал крутить у виска своего
И послал назидательно, твердо,
За линию горизонта.

Понять он не мог для чего это мне,
А я ведь не ум свой выпячиваю,
И говорю серьёзно вполне:
Меня при кружении укачивает.

На шаре стою я, не «пуп» земли,
Неуверенно балансирую.
За что зацепиться – попробуй пойми!
Как мне себя зафиксировать?

Поэтические очки

Я морем выброшен, как щепка,
Трава морская на виске.
Как бурей сломленная ветка
Я на сыром лежу песке.

Мне волны жизни – волны моря.
Хочу остаться на плаву.
Кто вставил поэтические стекла
В мои очки, в которых я живу?

Пусть много раз еще придется
Воды соленой мне глотнуть,
Но тот, в очках, он в волны рвется,
И не дает мне не утонуть.

По лужам

Исчезло солнце, выглянув едва,
Затянуто все небо облаками,
Бесчисленные их стада
Летят, набухшие дождями.

Земля размокла, лужи здесь и там,
И недовольны люди под зонтами,
А я скачу меж луж по островкам,
Скачу, как мальчик, с мокрыми ногами.

И от чего-то весело душе,
И вроде повода нет веселиться,
А я, как в пьяном кураже,
Хожу и нарушаю луж границы.

Прохожие торопятся домой,
Играет ветер их раскрытыми зонтами,
Спешат туда, где сухо и покой,
А я гуляю с мокрыми ногами.

Бал в лесу

Октябрь мне нравится, я родом из него.
Я в буйстве красок

лик печальный вижу.

Быть может это леса божество?

Я разглядеть хочу его поближе

И в лес вхожу. Он растворился в нём,
Лишь длинный посох на земле остался,
Да под осиной гриб, как милый гном,
Покрытый шапкой красной улыбался.

Раздался шёпот листьев вокруг меня.

Вдруг

по тропинке

словно вихрь промчался,

Путь указал, загадочно маня

В глубь леса, чтобы я не сомневался.

Как тихо здесь, иду легко,

Задумчивости леса не мешаю,

И в устоявшемся укладе ничего

Своим присутствием не нарушаю.

Деревья молча смотрят на меня,

Я ощущаю

чей-то взгляд внимательный,

И суеверье древнее храня,

Я чувствую их силу притягательную.

Чем дальше, тем загадочнее лес,

Я слышу его легкое дыхание.

Нет, не сегодня, не сейчас, не здесь,

Увижу я природы угасание.

Гонимый любопытством к тайнам,
Огромной ели лапы раздвигаю,
Там, в полумраке, под прозрачной тканью,
Ночь на душистой хвое отдыхает.

Тёмно-зелёные, пахучие, тугие
Задвину шторы почивальни тихой.
Их ель сама когда-то раскроила,
Она у ночи главная портниха.

Не видно солнца, но светло вокруг,
Тепло от разноцветья ярких красок.
Здесь словно гость на званом я балу,
Средь сотен тысяч карнавальных масок.

Маме

Пока мама моя жива,
Для неё я буду ребёнком.
Я сплету ей из слов кружева
И украсу книжную полку.

А ещё я могу ей спеть
Про кудрявые листья клена,
И она меня станет жалеть,
Словно я паренёк несмышлёный.

Спросит: «Как у тебя дела?»
«Всё нормально», – я ей отвечу.
И опять кружева, кружева
И на голову, и на плечи.

Меня прежнего мало осталось,
Но не нужно меня в том винить.
Подарю я ей самую малость,
Из того, что мог подарить.

Я звезды не достану с неба,
Знаю – ей она не нужна.
Мы помянем с ней быть, и небыль,
Разбирая слов кружева.

Мы разделим краюшку хлеба
И некрепкого выпьем вина...
Часто шел я по жизни слепо,
Мама слепо меня ждала.

Занавес

Я из себя не звуки извлекаю,
А выжимаю тишину
И не дышу, а воздух ртом хватаю,
Я не иду на дно – иду по дну.

Зачем я трогал твои волосы?
Зачем читал твои глаза?
Зачем я наслаждался голосом?
Зачем не повернул назад?

Я вижу - занавес опущен.
Я зритель, можно уходить.
К твоей душе я был допущен,
Да что теперь об этом говорить.

Клён

С берёзы облетает жёлтый лист
С какой-то грустью неземною, тайной.
Разбойничий не слышен ветра свист,
Здесь всё окутано печалью.

Осенний поздний солнца луч
Позолотил ещё зелёные дубравы,
И, зацепившись за обрывки туч,
Взирает на седеющие травы.

И словно чудо, как волшебный сон,
Знакомый клён передо мной явился.
Приветлив он – на мой поклон,
Листвою чуть зашевелился.

Любуюсь им, ему я рад!
На нём цветное одеяние.
Собрался он на маскарад,
А попадёт на бал прощальный.

Ураган

Спокойный вечер. Так порою
Бывает тихо перед бурей.
Покрытые ночной чадрою,
Деревья тёмные уснули.

Быть может, снилась им весна,
Когда капель, как бабушкины спицы,
Стучит, и в ожидании тепла,
К нам в окна смотрят жёлтые синицы.

А может лето снилось им,
И солнце в раскалённой колеснице,
И журавли ему трубили гимн...
Да мало ль, что деревьям может сниться.

Вдруг среди ночи шум раздался,
И, подхватив опавшую листву,
С ней вместе то взлетал, то опускался,
Нездешний ветер, уходя в загул.

Он становился всё задиристей и круче.
Не чувствуя стеснения ни в чём,
Уже он разметал по небу тучи
И всё перемешал с дождём.

На что он злился, я не знаю.
Зачем устроил эту кутерьму?
Зачем летел он с северного края,
Через моря, в мою страну?

А ураган все нарастал,
Уже он с корнем рвал деревья,
И, как безумный, не осознавал,
Что совершает преступленье.

Он рушил крыши и машины мял,
И на воде переворачивая лодки,
Он крикам беззащитных не внимал,
Он заглушал орущие их глотки.

Он рвал железо, словно старый плед,
И грохотал в ужасный бубен.
Наделал он так много бед...
И сам собою был погублен

Не верь

Не верь, когда кажусь я весел,
И, скажут, что с другой – не верь,
Я сам себе лишь интересен,
Как в неизведанное дверь.

И если вдруг плохое скажут,
И будут слухи злого злей,
И даже смерть мою докажут,
Прости их глупых, но не верь.

Я не уйду без разрешения,
Ведь я так часто уходил.
Я уходил и жил в сомнениях,
И у сомнений набирался сил.

Я, как и все...

Я, как и все, когда-то, непременно
Покину шумный жизни лес,
И всё произойдёт,
и, может быть, мгновенно,
И кто-то светлый явится с небес:

Он даст мне руку и поднимет,
И с лёгкостью моя душа,
Я знаю, тело брренное покинет,
Быть может быстро, или не спеша,

Но всё ж без суеты и проволочки,
Забрав в последний путь с собой
Каких-нибудь четыре строчки,
Что не дописаны рукой.

Ей предстоит подняться в небо,
А это лучше чем кровать.
Под этим небом, где я только не был.
Душе моей не привыкать.

Созвездия

Быть может, сегодня мне все это снится:
Как будто у неба я с краю.
Уже я не жду для себя инвестиций,
И, кажется, что-то теряю.

Мне прошлое – грома весеннего гул,
Мне будущее – небо ночное,
Уходит Луна со мною в загул,
Цепляясь за звезды своей головою.

За шиворот сыплется звездная пыль.
Сброшу с себя притяженье земное:
Хочу я по Млечной реке уплыть,
Тельца накормить неземною травой,

С Луною по небу в обнимку ходить,
Смешить Близнецов стихами
И дикого Льва с ладошки кормить,
Словно котенка, блинами,

Пятиться Раком от стрел Стрельца,
У Рыб с Водолеем плескаться,
Взвесить слова на Весах мудреца,
Чтоб с Козерогом бодаться.

Овна пасти в межзвездных полях,
Со Скорпионом сдружиться
И в невесомых плывя волнах,
С Девою в вальсе кружиться.

С утра до вечера

Гуляют в черных сюртуках вороны
С надменной важностью
 видавших виды птиц.

Друг другу
 молча
 отдают поклоны,
Не замечая скачущих синиц.

Слетают серой, шумною ватагой,
С качающейся ветки воробьи,
И на снегу, как на листке бумаги,
Повсюду пишут иероглифы свои.

Галдящей чёрной тучей стая галок
Кружит: у них базарный день.
Ругаются промеж себя упрямо,
С утра до вечера. Как только им не лень?

Кому-то весть неся, волнуется сорока,
Стрекочет белобокая, кричит...
И только дуб, как старец одинокий,
Потупив взор, задумчиво молчит.

Капитан

Небу море, словно чай на блюде –
Дует ветром на кипящую волну,
А в пучине зреет революция,
Объявившая спокойствию войну.

И уже темнеют волны,
Видом мрачным ужасая небеса,
Кто-то жутко воет за кормою,
Водяная пыль слепит глаза.

Только капитан стоит спокоен,
Он уверенность внушает кораблю,
И ревут, врезаясь в корпус, волны,
Сияясь утащить его ко дну.

Всё закреплено по-штормовому,
Что не так – увидит зоркий глаз.
И, согласно правилу морскому,
Голосом спокойным даст приказ.

Небу море, словно чай на блюде –
Дует ветром на кипящую волну,
Но об мостик капитанский разобьются
Ветры, объявившие войну.

Пацаны

Ты помнишь,
нам хотелось
быть постарше,
Курить, затаивая дым.
Тогда шагали пионеры бравым маршем,
С речёвками по улицам твоим.

Девчонки, помнишь, нашего же класса,
Мальчишечьи туманили умы.
Мы их сердец тогда не разбивали,
Да что с нас взять-то было, пацаны.

Тогда ещё мы многого не знали,
И звонки были наши голоса,
Мы, робко прижимаясь, танцевали,
Боясь поднять на девушку глаза.

Хотелось стать нам взрослыми скорее,
Носить усы и модные штаны...
Теперь, иных уж нет, а те старее,
А в общем-то все те же пацаны.

Эшелон

И проводы не проводы, и на душе не весело,
Гляжу глазами Гамлета на жизни равновесие.

Не скоро возвратимся к родным пенатам,
Нам приказали ехать, мы Родины солдаты.

Мы грузимся недолго, с утра и до полуночи,
В колодки бьём мы гвозди,
а гвозди гнутся, сволочи.

Строку впишу я новую в страницу биографии,
С железными дорогами учу я географию.

Вагоны деревянные, телятники-теплушки,
А мимо, как картинки, мелькают деревушки.

Сидим мы, ноги свесивши,
как деды в сорок пятом,
Они к родимым ехали, а нас везут куда-то...

Безусые мальчишки, в распахнутые створки
Мы курим сигареты,
у них была махорка.

Колёса с перестуками поют мне заунывную,
Оставил я в краю родном далёкую, любимую.

На полустанке машет нам весёлая девчужка,
А рядом с нею в сапогах беззубая старужка.

Глаза от солнца пряча, вздыхает горемычная:
«Солдатушки-робятушки,
война для вас привычна».

А дома ждут нас матери, а дома травы с росами,
А мне б косу звенящую, да с песнями в покосы...

К войне не привыкнуть

Нет вестей от отца, где-то он, в этом аде,
А я жду письмеца от сестрицы и матери.
Мы лежим на полу, что-то душу сдавило,
И хозяйка в избе свет давно притушила.

Кто-то рядом, во сне, что-то бормочет.
Только мне не уснуть, не уснуть этой ночью.
Я сегодня не сплю, я боюсь, мне приснится,
Мной убитый в бою и ещё чьи-то лица,

Искажённые страхом, искажённые болью.
Искажённым я вижу вчерашнее поле.
Он кричал мне: «Niht shiesen!» –

это вроде: «Не надо!»

Я стрелять и не думал – приголубил прикладом.

Никогда не забуду я схватки вчерашней:
Первый раз мы сошлись в бою рукопашном.
Кто лопаткой сапёрной,

кто штыком, кто прикладом,

Мы рубились, как звери, потому что так надо.

Мы сюда их не звали, и они нам не гости,
В мясорубке смертельной трещали их кости.
Наши тоже трещали, и свалился, не охнув,
Мой дружок из Тамбова, а он парень был ловкий.

С киевлянином Васей мы его выносили,
И впервые я видел, как плакал Василий.
Мы ведь были как братья,

мы махоркой делились,

Приглашал он на свадьбу, – мы согласились...

Мы лежим на полу, что-то душу сдавило,
И хозяйка давно свет в избе потушила.
Я, вдруг, вспомнил свой дом:

так же ходики тикали.

Только в горле, как ком,
мне к войне не привыкнуть.

Сестра

Лязг металлический,
Свист пуль истерический.
С нами товарища нет.
Два санитаря,
сгибаясь под тяжестью,
парня несут в лазарет.
Стол хирургический,
свет электрический,
скальпель и дым сигарет.
Пуля дурная,
смерти советчица,
другу пробила жилет.
Мятую, клятую
стерву свинцовую
медленно тащит пинцет,
Остался в кармане,
запачканный кровью,
далекого дома привет.
...Всё позади,
и хирург улыбается
с мокрым от пота лицом,
сестра молодая,
так много познавшая,
склонилась над бледным бойцом.
Слова её тихие, нежные,
звучат, как наказ, как завет:
«Тебе повезло, брат,
в рубашке родился,
ты сто проживёшь ещё лет».

Памяти СЭМА

I. Невидимый для наших глаз

Здесь волнорезы, словно корабли,
Врезаются в морские волны,
И, будто мачты с палубы земли,
Вверх смотрят сосны парусами полными.

Ещё мы не привыкли к слову «был»,
Нам легче думать, что он рядом.
Так почему, среди могил,
Его отыскиваем взглядом?

Он был наш друг и наш Учитель,
И Одиссей, и Моисей.
Сердец и океанов покоритель,
Он вёл нас до последних дней.

Я не делил с ним одиночество,
Не пили мы на брудершафт,
Я не скажу о нём: «Высочество»,
Он просто к звёздам сделал шаг.

А может он сейчас в сосновой кроне,
Невидимый для наших глаз,
Сидит в венке лавровом, как в короне,
С улыбкой хитрою глядит на нас.

И снова у него дебют
Читать стихи он станет небожителям.
Теперь на небесах его приют,
Он будет звёздных Муз служителем.

II. Без свидетелей

В серой от скуки больничной палате
Пришёл к нему ангел в белом халате,
А может быть в белом хитоне,
Но видно, что ангел «в законе».
Я знаю, конечно, вспылит обыватель:
«Да кто это видел? С какой это стати?»
Наверное, раньше и я б сомневался,
Но, взяв карандаш, с сомнением расстался.

«Вы Симкин? Пройдёмте со мною,
Вещей брать не нужно, я всё устрою.
И тело оставьте, возьмите в дорогу
Лишь мысли свои – всё-таки к Богу»
Он встал и почувствовал странную лёгкость,
Ни боли, ни страха, лишь окрылённость.
На тело своё оглянулся с порога:
«Прощай, дорогое, меня ждут у Бога».

Беседа была тет-а-тет, без свидетелей,
И это на небе тоже заметили.
У них накопилось друг к другу вопросов,
А там всё по-честному – там без доносов.
И было так тихо в то утро морозное,
Всё было не в шутку, всё было серьёзно.
И вдруг, показалось, что где-то захлопали,
И сверху посыпалось белыми хлопьями,
И кто-то раскатисто расхохотался –
Сэм был шутником, шутником и остался.

III

БЛИКИ

Одно и то же

Одни и те же лезут в голову слова,
Сто раз прокрученные мысли.
Едва ли новые найду. Едва,
Чтоб написать картины жизни.

Холод

Даже звёздам сегодня холодно,
Они съёжились от стылого ветра.
И дрожит, совершенно голая,
На морозном воздухе ветка.

Оправдание

Я всех пойму и всех прощу,
Лишь одному не будет оправдания –
Тому, кого я в зеркале ищу,
Ведь он один приносит мне страдания.

Скромность

Ах, если б знал я что сказать,
То с Вами быстро познакомился.
Но нам друг друга не узнать –
Я сам себя лишаю голоса.

Узелок

Мне и нужно-то совсем немного:
В вашем сердце скромный уголок,
Пару добрых слов в дорогу
Да воспоминаний узелок.

С каждым

С каждым,
кто губами шевелит мысль мою
И пальцами прикасается к строчкам,
Я стихами говорил и говорю,
И не хочу сегодня ставить точку.

Я – человек

На что мне глупая напыщенность,
Мне жить интересно в мой первый век.
В собаке бездомной вижу я личность.
Я проще простого, я – человек.

Последний акт

Бокал твой пуст, вино любви иссякло.
Прощальные слова слетели с уст.
Последний акт красивого спектакля
Закончился гримасой Муз.

Нажимаю на курок

Уже я к прошлому не вижу возвращения,
Уже я сделал всё, что мог.
Я уйду, не попросив прощения,
Как будто нажимаю на курок.

Блики

Тишина пронзительнее крика.
Пятна на стекле рисует дождь.
Память мне высвечивает блики,
Те, в которых ты со мной идёшь.

Я не рисуюсь

Я не рисуюсь. К чёрту рисование!
Уже себя я пробовал любить.
И в этом глупом самолюбовании,
Я ухитрялся как-то жить.

Как дети

Мы ведём себя как подростки:
То сажаем цветы на планете,
То целуемся, глаза закрывая,
То ругаемся, как дети.

Порою ты...

Порою ты, как Муза поэтична,
Порою, «рубишь» правду ты с плеча,
Порой, мне кажется, что ты цинична...
А то, вдруг, добродетели свеча.

Мёд

Вкушая мёд, я чувствую весну
И ветра лёгкого дыхание,
И, кажется, что всё в цвету,
И пчёл я слышу мирное жужжание.

Не хочу

Не хочу я быть в землю закопанным.
Не ройте мне яму, не надо!
Не хочу, у плиты гранитной, чтобы
Стояли, потупив взгляды.

Разбегусь я, и прямо в небо
Прыгну к звезде далёкой –
Я там ни разу не был –
Мне интересно: что там.

Содержание

Хорошо быть трамваем	3
СЛЕДЫ	5
Из детства	7
В деревне	8
Разговор с люстрой	9
Следы	11
Прогулка по небу	12
По этой улице... ..	13
Четырнадцатилетней	14
В любое время года	15
Зимнее	16
Как часто мы... ..	17
Поди-разбери	18
Миражи	19
Каменщик	20
ОНЕМЕВШИЙ КОЛОКОЛ	21
Я колдую	23
Обнажение	24
Глоток рома	25
Время	26
Забудьте обо мне!	27
Хорошо быть трамваем	28
Я улечу	29
Спорщики	30
Пёс	31
Тайна сна	32
Ночной город	33
Полёт	34
Бессонница	35
То ли стон, то ли крик	36
Тяжкий воз	37
Бред	38
Одиночество	39
Блокнот	40
Не один	41
Не делая акцент... ..	42
Онемевший колокол	43

Живые вянут розы	44
Тень	45
Бабье лето	47
Беглец	48
Я приду	50
Скучны мне	51
Без меня	52
Закрывая руками небо	53
Предчувствие	54
Листок	55
Стена	56
Ты восхитительна	57
Три дня	58
Самолечение	59
Забытый урок	60
Пекарь	61
Нить	62
Мы видим всё	63
Мысль на тарелке	64
Притяжение	65
Собиратель	66
Поэтический дождь	67
Мысли с конём	68
Штыком пера	69
Сокровища	70
Вдохновение	71
Железнодорожная	72
Я жду апрель	73
Соломоново решение	74
Две строчки	75
Строитель	76
Весна	77
Дождевая капля	78
Каштан	79
Три сосны	80
Гроза	81
Соловей	82
Дождь в июле	83
Луна	84
Тихий дом	85
Художник-невидимка	86
Я здесь отдыхаю	87

Шар	88
Поэтические очки	89
По лужам	90
Бал в лесу	91
Маме	93
Занавес	94
Не бойся	95
Клён	96
Ураган	97
Не верь	99
Я, как и все...	100
Ноябрь	101
Созвездия	102
С утра до вечера	103
Капитан	104
Пацаны	105
Эшелон	106
К войне не привыкнуть	107
Сестра	108
Памяти Сэма	109
Невидимый для наших глаз	110
Без свидетелей	111
БЛИКИ	112
Одно и то же	113
Холод	113
Оправдание	114
Скромность	114
Узелок	115
С каждым	115
Я – человек	116
Последний акт	116
Нажимаю на курок	117
Блики	117
Я не рисуюсь	118
Как дети	118
Порою ты...	119
Мёд	119
Ночное небо	120
Под сломанным зонтом	120
Минута	121
Не хочу	122

Александр КОВТУН
ОНЕМЕВШИЙ КОЛОКОЛ
Стихи

Редактор: Геннадий Юшко

Художественное оформление
и компьютерный дизайн: Алексей Попов

Гарнитура Minion Pro

Формат 200x140 ¹/₃₂

Тираж 200 экз.

Печать цифровая.

Отпечатано в типографии
Калининградского ПЕН-центра.
Калининград, ул. 9 апреля, 5